

Хороший год

Автор:

Питер Мейл

Хороший год

Питер Мейл

Год у Макса не задался. Он лишился работы и надежды расплатиться с долгами. И вдруг он получает в наследство усадьбу дяди Генри в Провансе с обширным виноградником. Макс едет туда, намереваясь побыстрее продать землю и дом. Однако жизнь в Провансе пришлась ему по вкусу, к тому же все его мысли теперь занимает красавица Фанни, независимая и своенравная. Внезапно из Америки приезжает Кристи, внебрачная дочь дяди. Возможно, за ней признают права на усадьбу, и тогда Максиму придется вернуться в дождливый Лондон и навсегда расстаться с прекрасным солнечным краем и своей любовью. Жизнь Макса осложняется до крайности, когда выясняется, что история с дядюшкиным наследством еще запутаннее, чем ему представлялось...

Питер Мейл

Хороший год

Посвящается Дженни и всем тем, кто не покладая рук трудится на виноградниках Франции, чтобы превратить сочные грозди в божественный нектар

A GOOD YEAR

by Peter Mayle

Copyright © 2004 by Escargot Productions Ltd.

This translation published by arrangement with Alfred A. Knopf, a division of Random House, Inc.

© И. Стам, перевод, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

От автора

Перед вами плод писательского воображения; все герои книги придуманы автором и не имеют отношения к реальной жизни. Впрочем, у некоторых из них были прототипы из плоти и крови.

Хочу выразить признательность Ридли Скотту, поскольку эта книга во многом обязана ему своим появлением: именно он заметил подходящий сюжет для романа, побудив меня взяться за перо. Еще мне очень повезло с советчиками относительно спиртных напитков. Просвещали меня знатоки своего дела: Алан Шевалье из Люберона и Энтони Бартон из Медока. А работать вместе с Эйли Коллинз было, как всегда, огромным удовольствием.

Mille mercis ? tous[1 - Бесконечно благодарен всем (фр.)].

Глава 1

Макс Скиннер взбежал по Ратленд-Гейт к Гайд-парку. Лето в Лондоне выдалось жаркое, и падавшие на лицо дождевые капли казались нагретыми. Макс трусил по причудливо извивающемуся берегу Серпантин. Из предрассветной мглы выплывали и тотчас исчезали фигуры других любителей помучиться перед завтраком; лица у них блестели от дождя и пота, ноги звучно шлепали по мокрой дорожке.

Погода распугала всех поклонников трусцы, кроме самых упорных. В эту мокроту разом пропали резвые румяные девушки, на которых Макс охотно заглядывался во время пробежки. Не видно было и местного эксгибициониста; обычно он уже стоит на изготовку за кустом: на роже похотливая ухмылка, плащ нараспашку. Даже парочка завсегдатаев-терьеров и та не появилась, хотя для них нет большей радости, чем хватать бегунов за щиколотки, пока их смущенный хозяин, едва поспевая за своими любимцами, бормочет бесконечные извинения.

Да, чересчур мокро и, пожалуй, чересчур рано для остальных. В последнее время Макс является в контору поздно, иной раз даже в половине восьмого, чем вызывает большое недовольство Эймиса, своего скорого на расправу босса. Макс дал себе слово, что сегодня все будет иначе. Он придет первым и постарается сделать так, чтобы паршивый ублюдок это заметил. Вся закавыка в том, что сама работа Максу нравится, а вот сотрудников, особенно Эймиса, он терпеть не может.

Обогнув Серпантин, Макс двинулся назад, к памятнику принцу Альберту, размышляя о предстоящем дне. Во-первых, он уже который месяц кропотливо готовил одну сделку, весьма перспективную: она сулила премию, которой хватило бы и оплатить долг терпеливцу-портному, и, что куда важнее, расквитаться наконец с банком. Вместо сдержанных укоров в превышении кредита Максу стали приходиться все более грозные послания. Непреложные свидетельства того, что год действительно выдался скудный. Но Макса не оставляла уверенность, что перемены не за горами. Воспрянув духом, он ринулся вниз по Ратленд-Гейт, по-собачьи отряхнулся на пороге и вошел в особняк Георгианской эпохи. Предприимчивая строительная компания в свое время оставила лишь лепной фасад, а нутро полностью выпотрошила; в результате, по словам подрядчика, получилось чрезвычайно привлекательное pied-?-terre[2 - Пристанище (фр.).] для чиновников разного ранга.

Уборщик, карлик с иссохшим, бледным, словно у жителя подземелья, лицом, поднял голову от пылесоса и уккоризненно зацокал языком, глядя на тянущуюся за Максом цепочку мокрых отпечатков.

– Уморите вы меня, ей-богу. Гляньте, какую грязюку развели, весь ковер, к чертям, заляпали, а это ж как-никак аксминстер[3 - Аксминстер (по названию английского города, где производятся знаменитые на весь мир ковры) – способ изготовления ковра, копирующий ручную технологию. (Здесь и далее примеч. перев.)].

– Извини, Берт. Всякий раз забываю снять у входа обувь.

Берт фыркнул. Этот диалог повторялся каждое дождливое утро и завершался одним и тем же вопросом. Берт с азартом следил за биржевыми котировками и норовил выудить информацию, недоступную для непосвященных.

– Что хорошего присоветуете на сегодня?

Остановившись перед дверью лифта, Макс приложил палец к губам и, помолчав, изрек:

– Покупай по низкой ставке. Продавай по высокой. Только никому об этом ни звука.

Берт покачал головой. Вот наглец, из молодых, да ранний. Но, правду сказать, он один во всем доме помнит, когда у Берта день рождения, и всякий раз притаскивает бутылку шотландского виски, а на Рождество непременно сует пухленький конверт с купюрами. В общем-то, малый он неплохой, думал Берт, елозя щеткой пылесоса по грязным следам на ковре.

Квартира Макса располагалась на третьем этаже и представляла собой незавершенное (пока) произведение дизайнерского искусства; один знакомый Макса, художник по интерьеру, в надежде получить выгодный заказ, назвал ее неоконченной симфонией. Пока что она годилась только для ночевки. Обстановка была скудная, вся в колючих острых углах – нынешний авангардистский стиль; у стены стояли две неплохие современные картины; в углу пылился унылый фикус и стойка с аудио- и видеоаппаратурой. Макс прожил в квартире уже больше двух лет, но ухитрился ничем не обозначить

своего там присутствия; разве что скромная кучка кроссовок в углу свидетельствовала о его личных пристрастиях. Зайдя в крохотную, девственно нетронутую кухню, Макс открыл холодильник, в котором сиротливо мерзли бутылка водки да пакет апельсинового сока, и, прихватив с собой сок, направился в ванную.

Горячая вода и холодный сок – самое оно после пробежки. Душем и соком Макс ежедневно вознаграждал себя за одну из своих немногочисленных здоровых привычек. Он слишком много работает, питается по-холостяцки – когда и чем попало, недосыпает и конечно же пьет куда больше, чем те пять рюмок спиртного в неделю, которые не без ханжеского злорадства прописал ему оплачиваемый фирмой врач. Зато Макс бегаёт трусцой и пока молод. До сорока ещё несколько лет; к этому критическому рубежу он непременно приведет в порядок и финансы, и весь жизненный уклад; а там, глядишь, можно будет и остепениться. Кто знает, может, он даже решится снова связать себя узами брака.

Макс присмотрелся к своему отражению в зеркале для бритья. Голубые, чуть покрасневшие глаза, темно-каштановые, коротко стриженные по нынешней моде волосы, высокие скулы, гладкая кожа. Пока ни мешков под глазами, ни морщин. Могло быть и хуже. Переступив через мокрое полотенце, он сбросил на пол одежду, в которой бегал по парку.

Пять минут спустя Макс уже был в положенной современному молодому чиновнику униформе: темный костюм, темно-синяя рубашка, темный галстук, модные массивные часы, предназначенные для аквалангистов, хорошо знающих цену секунды, в руке мобильный телефон и ключи от машины; теперь он готов покорять финансовый мир. Под морозящим дождем Макс нырнул в положенный ему по статусу черный «БМВ». Пора ехать в Сити. Уж сегодня-то долгожданная сделка наверняка состоится. А там и премия грядет. Он наконец полностью обставит квартиру, наймет уборщицу, чтобы жилище сверкало чистотой, возьмет на несколько дней отпуск и махнет в Сен-Тропе, пока еще не все хорошенькие девушки вернулись в Париж. Даже услышанный по радио прогноз погоды – местами ливни, переходящие в затяжные дожди, возможен град – его не обескуражил. День все равно будет удачный.

В такую рань ему с лихвой хватит и двадцати минут, чтобы домчаться до улицы Треднидл, на которой находится контора Лотонов, – «под самым боком у Английского банка», с гордостью сообщал предполагаемым клиентам старший

из братьев. Компания возникла в конце восьмидесятых, в девяностые годы экономического бума она бурно росла, сливалась с другими, покупала третьи, изворачивалась как могла и в конце концов наловчилась без всякой пощады отбирать у зазевавшихся авуары, чем вызывала лютую зависть у своих более щепетильных и сердобольных соперников. А теперь финансовые газеты и журналы величают ее образцом жесткого эффективного менеджмента, который полностью соответствует нынешней суровой эпохе. Молодым клеркам, которые сумели несколько лет продержаться у Лотонов, теперь любое море по колено.

Почти в шесть тридцать, когда Макс уже ехал по Ладгейт-хилл, у него зазвонил мобильник.

– Сегодня с утра прохлаждаемся, а работа, выходит, по боку? – В гнусавом голосе Эймиса слышалась угроза. Не дожидаясь ответа, он объявил: – Есть разговор. Смотри не опоздай к обеду. Трейси скажет, в каком я ресторане.

Вот тебе и удачный денек, подумал Макс. Впрочем, если честно, то день, к которому так или иначе причастен Эймис, удачным быть вообще не может. Взаимная неприязнь возникла между ними с первой же минуты знакомства. Эймис тогда только-только вернулся из Америки. После трехлетнего пребывания в Нью-Йорке он готовился возглавить лондонский офис, и его прямо-таки распирало от сознания собственной важности. Как нередко случается в Англии, их отношения подпортила, казалось бы, сущая мелочь – разница в манере говорить.

Макс, отпрыск благополучной состоятельной семьи, жившей в живописном зеленом графстве Суррей, окончил небольшую частную школу. Эймис родился и вырос на мрачной южной окраине Лондона, отнюдь не зеленой и не благополучной. Вообще говоря, в детстве и юности их разделяли всего двадцать миль, а то и меньше, но эти двадцать стоили всех двадцати тысяч миль. Макс тешил себя мыслью, что в нем нет ни капли снобизма. Эймис тешил себя мыслью, что ни малейшей обиды на жизнь он не затаил. И оба ошибались. При этом каждый скрепя сердце отдавал должное способностям другого и, как это ни было трудно, терпел его общество.

Осторожно заезжая на отведенное для его «БМВ» место в подземном гараже, Макс пытался угадать, чем вызвана назначенная встреча. В конторе у Лотонов обедом считается сэндвич, который жуешь прямо за рабочим столом, не отрывая глаз от компьютера. По выражению Эймиса, его он вывез из Нью-Йорка, обед –

это придурь слюнтяев. И вдруг сам завел речь о настоящем обеде, в ресторане, с ножами и вилками – как положено у слюнтяев. Чудно. Ломая голову над загадкой, Макс вышел из лифта и, лавируя между бесчисленными перегородами, направился в свой отсек.

Компания занимала целый этаж в большой коробке из стекла и бетона. За исключением роскошных, отделанных красным деревом и кожей покоев, где располагались братья Лотоны, оформление офиса призвано было отражать дух предприятия: никаких финтифлюшек, никаких супермодных ухищрений. Это фабрика, на которой делают деньги, где царит режим жесткой экономии. Лотоны любили приводить клиентов в офис – они называли его «машинное отделение», – чтобы те полюбовались, как надрываются служащие компании: «Перед вами сорок лучших деловых умов во всем Сити. И все они заняты исключительно вашими проблемами».

Эймис не ограничился утренним звонком, он еще и по электронной почте прислал приказ не опаздывать к обеду. Оторвавшись от экрана, Макс поглядел в угол офиса: там, за стеклянными стенами своего кабинета, обыкновенно расхаживает Эймис, прижав к уху мобильник, но сейчас кабинет пуст. Небось завтракает где-то, гад, подумал Макс, или смылся на урок ораторского искусства.

Сняв пиджак, Макс принялся за работу. Он в последний раз проверил вычисления для «Транс-Акс» и «Ричардсон Белл»; расписывая их достоинства, он надеялся впарить эти две компании какому-нибудь богатенькому клиенту Лотонов. Если дело выгорит, Макс получит премию, которая, по его прикидкам, намного превысит годовое жалованье премьер-министра. Он дважды перепроверил расчеты; цифры каждый раз сходились. Все, теперь можно подавать бумаги Лотонам; дальше пусть командуют сами, а Макс станет богаче на сумму, измеряемую шестизначным числом. Откинувшись на спинку стула, он потянулся и взглянул на часы. Шел первый час, а он еще не удосужился выяснить, куда именно ему идти на обед.

Он направился в угол, где возле кабинета начальства несла караульную службу Трейси, бойкая пышнотелая деваха. Недавно она получила повышение – из секретарши превратилась в личного помощника Эймиса (по конторе ходил слухок, что на эту ступеньку служебной лестницы она поднялась благодаря веселенькой поездке с Эймисом на выходные в Париж). К сожалению, новая должность подпортила ей нрав, Трейси заважничала и даже начала дерзить.

Примостившись перед ней на краешке стола, Макс мотнул головой в сторону кабинета:

– Насчет обеда все в силе? Или босс уже сеет очередную панику на бирже?

– Мистер Эймис ждет вас в «Леденхолл селларс». Ровно в двенадцать тридцать. Не опаздывайте, – проговорила Трейси с таким видом, словно с удовольствием выдала бы Максиму штрафную квитанцию за парковку в неполюженном месте.

Макс удивленно поднял брови. Когда-то «Селларс» был складом при старинном рынке Леденхолл, а потом превратился во вполне пристойный винный бар, и теперь его завсегдатаями стали крутые дельцы из Сити; здесь они подкрепляются так, как подобает мужчинам в самом соку, – кусками жареной вырезки и сыром «стилтон», запивая их невероятно дорогим красным вином и готовясь к послеобеденным трудам с помощью крепкого портвейна. Несмотря на голые кирпичные стены и усыпанный опилками пол, это один из самых дорогих ресторанов в Сити.

– Неужто он транжирит свои накопления? – удивился Макс. – С какой стати, не подскажешь?

Опустив глаза, Трейси поправила лежавшие на столе бумаги.

– Понятия не имею, – бросила она наконец.

Ее нарочито небрежный тон не убедил Макса, скорее раздосадовал:

– Слушай, Трейси, давно хочу спросить тебя кое о чем.

Она вопросительно посмотрела на него.

– Поездка в Париж удалась?

Ба, похоже, злые языки-то правы: вон как Трейси залилась краской. Макс вернулся к своему рабочему месту за пиджаком и зонтом: под проливным дождем предстояло мчаться на Леденхолл-стрит. У выхода он помешкал, не

решаясь нырнуть в гущу огромных зонтов – этим летом самый модный аксессуар; словно разноцветные грибы, они разом раскрылись повсюду, загромождая тротуары и мешая проходу. Не миновать ему опоздания.

Когда Макс вошел в переполненный сводчатый зал, Эймис уже сидел за столиком, прижав к уху мобильник. Потершись среди воротил Уолл-стрит, Эймис перенял их манеру одеваться: рубашки в яркую полоску с белым воротничком, алые подтяжки, галстуки, разрисованные быками и медведями. До чего же эта пестрая, вызывающая экипировка не вяжется с его жесткой, тонкогубой физиономией и тюремной стрижкой. Впрочем, что бы он ни надел, все равно выглядит как бандит. Но деловая хватка у него потрясающая, за что его обожают остальные братья Лотоны.

Закончив разговор, Эймис многозначительно посмотрел на часы. Часы были золотые, еще массивней, чем у Макса, на циферблате россыпь мини-циферблатов: один показывает глубину погружения в метрах, другой – истекшее время, а третий, совсем редкостный, – индекс NASDAQ.

– А теперь что стряслось? Заблудился?

Макс налил себе красного вина из стоявшей на столе бутылки:

– Прошу прощения. Леденхолл-стрит запружена зонтами. Ни пройти ни проехать.

Эймис недовольно хмыкнул и жестом подозвал официантку.

– Слушай, киска, знаешь, что мне нужно для полного счастья? – неожиданно веселым тоном обратился он к ней и подмигнул. – Хорошо прожаренный кусок вырезки, сочный, но без кровячки. Этого мне на работе хватает.

Официантка старательно улыбнулась в ответ.

– С жареной картошкой. На десерт крем-брюле. Записала?

У него вновь застрекотал мобильник; Эймис негромко забурчал в трубку, а Макс тем временем заказал себе бараньи отбивные и салат.

Эймис убрал телефон и отхлебнул вина.

- Ну а теперь изложи вкратце, как дела с «Транс-Акс» и «Ричардсон Белл».

Битых полчаса Макс сыпал цифрами и прогнозами, анализировал стиль управления компаниями и способы раздеть их до нитки – не зря же он ими занимался с самого начала года. Эймис усердно жевал, записывая что-то в блокнот, лежащий возле тарелки, но ни вопросов, ни замечаний, ни встречных предложений не последовало.

Макс замолчал и отодвинул от себя тарелку с остывшими, недоеденными отбивными:

- Стало быть, ради этого мы сюда пришли?

- Не совсем. – Эймису явно нравилось держать Макса в напряженном неведении. Он сосредоточенно ковырял зубочисткой в зубах, не без интереса рассматривая результаты изысканий.

Подошла официантка и стала убирать тарелки. Казалось, Эймис только этого сигнала и ждал.

- Я тут переговорил с братьями, – сообщил он, – и они мою тревогу разделяют.

- О чем речь? Что-то не пойму.

- О твоём поведении, дружок. О твоей производительности труда. В этом году ты смахиваешь на больного, правда ходячего. Тоска смотреть.

- Вы же знаете, над какой головоломной задачкой я полгода корпел. Я же только что докладывал... – Макс едва не сорвался на крик. – Не мне вам объяснять, что подобные сделки за пару недель не сляпаешь. На них нужно время.

Прибыло крем-брюле, Эймис опять игриво подмигнул официантке и сурово продолжил:

– Брось заливать, дружок, брось заливать. Знаешь, в чем тут закавыка? – Он поглядел на Макса и обличающе трижды кивнул головой: – Бурная личная жизнь мешает. Слишком часто ложишься за полночь, слишком много сил на телок тратишь. Хватку потерял.

И, вооружившись ложкой, он с силой воткнул ее в десерт.

– Чушь собачья, и вам это прекрасно известно. Обе компании наконец дозрели. Считайте, дело в шляпе.

Эймис поднял голову; на подбородке у него желтела капля крем-брюле.

– Вот тут ты, пожалуй, прав.

– Это вы к чему?

– Я сам займусь этой сделкой.

Эймис сунул в рот очередную ложку десерта и громко захрустел карамельной крошкой.

Макс глубоко вздохнул:

– Посмотрим, что скажут остальные Лотоны. Они...

– Опоздал, золотце. С ними все улажено. Сегодня утром мне дали зеленый свет.

Картина получалась безрадостная. Полгода работы псу под хвост. Самое обидное, что премии теперь не видать – она осядет на счету Эймиса, а у Макса вырастет пачка неоплаченных счетов, и банк еще туже затянет петлю на его шее.

– Так не поступают. Это же наглый грабеж, черт побери. Откровенное воровство.

– Ты где живешь? Открой глаза. Это бизнес, понял? Бизнес. Ничего личного, никаких обид. И вот еще что. Мне тут намекнули насчет одной небольшой

машиностроительной фирмочки, но у меня на нее сейчас нет времени. Можешь ею заняться.

Много лет назад, вдруг вспомнилось Макс, покойный дядя Генри учил его уму-разуму: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». И Макс решился:

– Могу, говорите, ею заняться? Другими словами, окучить ее как следует, а когда все будет на мази, опять получу коленом под зад. Так, что ли? – Перегнувшись через стол, он процедил: – Засунь свою машиностроительную фирмочку себе в задницу, и всю вашу лавочку туда же. На такого вора и мерзавца я пахать не намерен.

Макс резко отодвинулся от стола. Эймис был страшно доволен. Все прошло как по маслу, лучше и быть не могло. Он получил подробнейшую схему предстоящей сделки, а поскольку Макс сам заявил, что уходит, никакой денежной компенсации ему не причитается. Блеск.

– Как знаешь, – буркнул он. – Сам решил – так тому и быть. Смотри освободи стол до вечера, понял?

Макс встал, но Эймис еще не закончил расправу:

– А ты, дружок, ничего не забыл? Про машину компании, например? – Он протянул руку: – Если не возражаешь, ключи я заберу сам.

Макс вынул ключи из кармана, секунду помедлил и опустил их прямо в недоеденное крем-брюле.

Эймис проводил его взглядом. Затем достал мобильник и набрал номер Трейси.

По дороге назад, в контору, Макса переполняли противоречивые чувства: страх и одновременно восторг от содеянного. Работу он потерял, конечно, в крайне неподходящий момент. Зато теперь покончено с Эймисом и его бесконечными колкостями; увы, по сравнению с упущенной премией это слабое утешение. Да, попал он в переplet, надо срочно подыскивать что-то другое. Раз уж ему предстоит торчать в конторе Лотонов еще несколько часов, стоит оттуда

позвонить кое-кому. Может быть, даже в Нью-Йорк.

Однако Макса ждал неприятный сюрприз: в его отсеке уже окопались Трейси и два охранника.

– Господи! Вы решили, что я собрался стащить коврик из-под мышки?

– Обычная процедура при расторжении контракта, – процедила Трейси и повернулась к охранникам: – Оставайтесь здесь, пока он не сдаст дела, потом мне отчитаетесь. – Проходя мимо Макса, она с ласковой улыбкой поинтересовалась: – Как прошел обед?

Макс оглядел тесный отсек, в котором в последние полтора года он проводил большую часть времени. Что ему хочется взять с собой? Что разрешат взять? Дискеты? Точно не разрешат. Настольный календарь от фирмы «Братья Лотоны»? Боже сохрани! А что тут еще? Да почти ничего, мелочь всякая. Пожав плечами, он бросил охранникам:

– Остальное, ребята, ваше.

Выйдя на Треднидл-стрит, он увидел пустое такси, из-под колес которого веером летели брызги. Макс поднял руку, но, вспомнив, что он только что пополнил ряды безработных, махнул шоферу, чтобы тот не останавливался. Он уже и не помнил, когда последний раз спускался в метро. Значит, его ждут новые, непривычные впечатления. Макс зашлепал по лужам к ближней станции, чувствуя, как вода просачивается в туфли.

В квартире он тоже не нашел ничего утешительного. Сбросил туфли, стянул носки. В окна сочился по-зимнему свинцово-серый свет; ничего себе лето. На автоответчике мигал красный глазок индикатора.

– Ублюдок несчастный! Где ты шляется вчера ночью? Меня в жизни еще так не унижали. Какие-то жуткие типы ко мне клеились, норовили полапать. Даже не пытайся теперь...

Макс поморщился и, не дослушав, отключил обличения. Накануне он заработался и напрочь забыл, что договорился встретиться с этой девицей в

баре клуба «Челси Артс». Он хорошо знал многих из своего клуба и живо представил себе, как парни из кожи вон лезли, опекая хорошенькую незнакомку, но, видно, перестарались. О господи! Надо послать ей цветов и покаянную записку.

Стянув с себя пиджак и галстук, он плюхнулся на кушетку. От недавнего оптимизма не осталось и следа. В квартире все вверх дном. И в его жизни тоже. Заняться уборкой или выпить водки? Отвергнув оба варианта, Макс включил телевизор. Кулинарная программа. Документальный фильм о саламандрах. На Си-эн-эн программа новостей, ведет какой-то тип с распушенными феном волосами. Гольф – это лучше всякого снотворного. Макс задремал, ему приснилось, что он топит Эймиса в бочке, полной крем-брюле.

Разбудил его телефонный звонок. За окном уже стемнело. Значит, Макс проспал несколько часов, но впечатление было такое, что игра в гольф остановилась ровно на той же точке. Видно, лунка попала не из легких. Макс выключил телевизор и снял трубку.

– Ага, вот ты где, шельмец этакий. Я звонил тебе на работу, но мне сказали, что ты ушел рано. У тебя все нормально?

Это Чарли, его самый близкий друг и бывший шурин.

– Вполне. – Макс зевнул. – Вообще-то, далеко не нормально. Денек выдался тот еще.

– Ничего, сейчас все исправим. Вечером мы с тобой отпразднуем важное событие: Чарльз Уиллис, восходящая звезда торговли недвижимостью, сегодня днем получил повышение. Стал полноправным компаньоном «Бингам и Траут». Требуется, говорят, свежая кровь. Ситуация в торговле недвижимостью меняется, надо идти в ногу со временем, твердой рукой держать штурвал и прочее.

– Чарли, вот здорово! Поздравляю.

– Тогда нечего там расслаиваться. Подъезжай сюда и помоги прикончить бутылочку шампанского; «Крюг», не хухры-мухры.

– А ты где?

– Один мой старый клиент только-только открыл это заведение – рядом с Портобелло-роуд. Называется «Пино». Отличный бар, отличная карта вин. Я вот с тобой разговариваю, а вокруг крутятся такие пышечки – пальчики оближешь. Все как одна красотки с Ноттинг-хилл в полупрозрачных прикидах. С трудом отбиваюсь.

Макс, улыбаясь, повесил трубку и пошел в ванную переодеваться. Еще в школе Чарльз лучше всех умел поднять настроение. Выглянув в окно, Макс увидел, что дождь прекратился. Хандру как рукой сняло; спускаясь по лестнице, Макс заметил, что насвистывает что-то веселенькое.

В вестибюле он подошел к своему почтовому ящику. Ничего особенного, счета с последними предупреждениями, рекламные проспекты и пара приглашений на званый ужин – их посылают всем лондонским холостякам. Однако среди обычной дребедени обнаружился загадочного вида конверт с французской маркой. В верхнем левом углу – маленькое стилизованное изображение богини правосудия, под ней адрес отправителя: «Cabinet Auzet, Notaires, Rue de Remparts, 84903 St.-Pons»[4 - Нотариальная контора Озе, ул. Рампар, 84903, г. Сен-Пон (фр.)]. Макс начал вскрывать письмо, но передумал: оно отвлечет его от ужасов подземки. Он сунул письмо в карман, все остальное затолкал обратно в ящик и направился к станции метро «Саут-Кенсингтон».

Глава 2

Поезд отошел от платформы и с грохотом помчался в сторону Ноттинг-хилл. Стоя в битком набитом вагоне, Макс заново открывал для себя прелести общественного транспорта. Почти все окружающие, словно повинясь неким племенным обычаям, прошли через ритуальный пирсинг. Ноздри, брови, губы, уши, даже несколько мертвенно-бледных и тем не менее выставленных на обозрение пупков – все было проткнуто и чем-нибудь украшено. Остальные видимые части тела, не подвергшиеся пирсингу, покрыты татуировкой. Немногочисленные пассажиры постарше и поконсервативней, без блестящих камешков в ноздрях или висюлек в ушах, выглядели как реликты древнейшей эпохи, когда человечество еще не знало украшений. Уткнувшись в книги и

газеты, они старались не встречаться взглядом с представителями нового, пышно декорированного поколения, обступавшими их со всех сторон.

Макс протиснулся в угол и вытянул из кармана письмо. Прочел сухие официальные фразы раз, другой... Полузабытый французский постепенно стал проясняться, оживать. Вникая в текст, Макс едва не проехал нужную остановку; все еще погруженный в свои мысли, он нашел ресторан и толкнул входную дверь из толстого матового стекла.

Его как волной окатил шум и гам, типичный для модного заведения в разгар вечера. Длинный, с низким потолком зал, голые стены, непокрытые столы и невероятная акустика; казалось, работает гигантский усилитель, в полном соответствии с распространенной теорией, согласно которой избыток шума – лучшая приправа к еде. В подобных заведениях романтически настроенному человеку приходится орать всякие милые глупости прямо в ушко своей спутнице. Но это определенно придавало особую прелесть новому ресторану – все столики были заняты.

Покачивая бедрами, к Максy подплыла гибкая молодая женщина, туго обтянутая платьем из чего-то вроде черной пленки.

– У вас заказан столик? – вздернув брови и играя ресницами, спросила она.

– У меня тут встреча с мистером Уиллисом.

– Ах, с Чарли. Ну конечно. Позвольте, я вас провожу.

– Да хоть на край земли, – отозвался Макс.

Красотка хихикнула и, вся извиваясь, победно зашагала впереди; так ходят лишь модели по подиуму и ресторанные администраторши. Остальным грозит вывих бедренного сустава.

Чарли сидел за угловым столиком, в ведерке со льдом красовалась бутылка. Увидев Макса, он широко улыбнулся:

– Я вижу, ты уже познакомился с очаровательной Моникой. Редкая штучка, скажи? Единственная из известных мне девушек, которая даже в теннис играет на каблуках.

Моника одарила их улыбкой и, грациозно покачиваясь, зашагала назад – встречать гостей. Макс глянул на сияющее румяное лицо друга. Миляга Чарли. Красавцем его не назовешь: толстоват, одет небрежно, волосы вечно растрепаны, но шарма – бездна; блестящие карие глаза и неиссякаемое женолюбие делают его совершенно неотразимым. До сих пор ему удавалось, хоть и не без труда, избежать брачных уз. Максимум повезло меньше.

Несколько лет назад Макс женился на Аннабел, сестре Чарли. Это была ошибка. Семейная жизнь сразу не заладилась, и все кончилось плохо. К большому возмущению Чарли, Аннабел сбежала с каким-то кинорежиссером в Лос-Анджелес и теперь живет в Малибу, на океанском побережье, в деревянной хижине стоимостью четыре миллиона долларов. Когда Чарли виделся с сестрой последний раз, она, в погоне за вечной молодостью, уже сделала себе инъекции ботокса и занялась силовой йогой. «Совсем сбрендил, – объявил Чарли Максимум. – Я всегда терпеть ее не мог. Считай, тебе крупно подфартило». В общем, их с Чарли дружба пережила неудачный брак Максима, а может быть, стала даже крепче прежнего.

– Ну а теперь слушай, – начал Чарли, разливая шампанское. – Зарплату мне увеличили вдвое, выдали «мерседес», пакет акций, положенный полноправному компаньону, и сказали: «Твое блестящее будущее в твоих руках». Так что сегодня угощаю я. – Он поднял бокал: – За цены на лондонскую недвижимость! Будем надеяться, они продолжат стремительный рост.

– Поздравляю, Чарли. Тебе, шельмец, крупно повезло.

Макс потягивал шампанское, глядя, как со дна бокала, кружась, взмывают пузырьки. Шампанское всегда сопутствует удаче, думал он. Напиток оптимистов.

Склонив голову набок, Чарли наблюдал за другом:

– Тот еще выдался денек, говоришь. И что же случилось? Неужто не с кого активы содрать?

Макс рассказал про обед с Эймисом, про унижительную сцену с ключами от машины и про громил-охранников, торчавших возле его рабочего стола.

– Короче, все хуже некуда: ни премии, ни работы, ни машины. Правда, потом пришло вот что.

Он подтолкнул письмо поближе к Чарли. Тот взглянул и уныло покачал головой:

– Я пас, старина. Моего французского на это никак не хватит. Придется тебе перевести.

– Помнишь, когда мы еще в школе учились, родители отправляли меня на лето во Францию? У дяди Генри, брата отца, там было именице, примерно в часе езды от Авиньона. Большой, старый, окруженный виноградниками дом, недалеко от маленькой деревушки. Мы с дядей Генри частенько играли в теннис, в шахматы, а вечерами он поил меня вином пополам с водой – в голову все равно ударяло – и учил жить. Старик был что надо. – Макс отхлебнул шампанского. – Не виделся с ним лет сто. А теперь вот жалею, две недели назад он умер.

Чарли пробурчал слова соболезнования и долил Максиму шампанского.

– Он, между прочим, так и не женился и детей не завел. – Макс взял письмо со стола. – Согласно его завещанию, я, похоже, единственный пока живой родственник. И вроде бы все свое имущество он оставил мне – дом, участок земли, двадцать гектаров, мебель и прочее.

– Господи! – воскликнул Чарли. – Двадцать гектаров – это больше сорока акров, верно? Слушай, это же настоящее поместье. Загородный дворец.

– Замка я что-то не припомню, но дом точно большой.

– И виноград, говоришь, растет?

– Не то слово. Кругом сплошной виноград.

бесплатно угостил их обедом. Да ты небось об этом читал.

К столику вновь подошел сомелье; Чарли смолк, поскольку началась торжественная церемония: сначала им поднесли заветную бутылку для осмотра – так родитель с гордостью демонстрирует очаровательного младенца. Затем была срезана свинцовая крышечка, извлечена благородная пробка, которую им предложили понюхать, и лишь потом с профессиональной ловкостью сомелье перелил темно-рубиновую жидкость в графин, плеснув крохотный глоточек в бокал.

Теперь настала очередь Чарли.

– Пять важных моментов отделяют искусство питья от вульгарной пьянки, – произнес он и взял бокал.

Сомелье наблюдал терпеливо и снисходительно, явно предвкушая солидные чаевые.

– Первое – настроим дух. – Чарли несколько секунд с благоговением смотрел на бокал, затем поднял его к свету: – Теперь ублажим взор. – Он слегка наклонил бокал, выявляя оттенки, – на дне вино было густо-рубинового цвета, выше – бордового, а на поверхности у стенки бокала чуточку отливало коричневым. – Теперь усладим обоняние. – Он осторожно покачал бокал, чтобы вино «подышало», и лишь потом опустил к напитку нос и сильно потянул воздух. – Ах, – выдохнул он, закрыв глаза и слегка улыбаясь. – Ах.

Макс почувствовал себя вуайеристом, подглядывающим за интимными радостями жизни. С самого детства Макса смешила страсть, с которой Чарли предавался своим увлечениям, начиная со скейтборда в школе и вплоть до прошлогоднего каратэ. А теперь прочие интересы, очевидно, вытеснило вино. Лицо Чарли выражало глубочайшее удовольствие. Макс усмехнулся.

– Пока все хорошо? – осведомился он.

Чарли будто и не слышал:

– Теперь пусть наслаждаются губы, язык и небо.

Он отхлебнул вина и, не глотая, осторожно, с каким-то хлюпающим призвуком, втянул в рот немного воздуха. Несколько секунд челюсть его ходила вверх-вниз, будто Чарли что-то жевал; наконец он сделал глоток.

– Мм... Последняя стадия – это оценка вкусовых достоинств. Эту информацию рецепторы посылают в мозг, настраивая его на предстоящее вкушение напитка. – Он глянул на сомелье и кивнул. – Вполне подойдет. Пусть еще немного подышит. Нет, вернее, – пусть, так сказать, придет в себя.

– Какая впечатляющая процедура, – заметил Макс. – Я глаз не мог отвести. На курсах дегустаторов таким премудростям научился?

Чарли кивнул:

– Вроде бы ничего мудреного, но разница колоссальная. Главное – не спешить, сосредоточиться на том, что ты пьешь. Слушай, нам здорово повезло. Поджидая тебя, я проглядел меню; сегодня есть седло барашка. С отличным бордо великолепно. А на закуску, чтобы прикончить шампанское, давай возьмем блинов. Как тебе такой вариант?

Обед с Эймисом, покрытые застывшим жиром отбивные остались в далеком прошлом.

– По-моему, идеальная пища для безработного, – отозвался Макс.

– Брось, все будет хорошо, – отмахнулся Чарли. – У тебя же есть наследство. Ты у нас теперь крупный землевладелец. Расскажи-ка мне про свой загородный дворец.

– Это дом, Чарли, дом. – Макс помолчал, вспоминая былое. – Очень старый, построен в восемнадцатом веке. По-моему, в тех местах такие называют bastide[5 - Деревенский дом (фр.)], то есть он всего на одну-две ступеньки выше рангом, чем крестьянское жильё. Просторные комнаты, высокие потолки, выложенные кафельной плиткой полы, большие окна, толстые стены. Помнится, в любую погоду в доме было прохладно. Но – вечный беспорядок. Дядя Генри не слишком обременялся домашним хозяйством. Раз в неделю приезжала на велосипеде милейшая старушенция и в перерывах между стаканчиками вина перегоняла с места на место кучки пыли. К обеду она неизменно напивалась до

беспамятства и до вечера отсыпалась в чуланчике за кухней.

– Чуланчик-то небось и по сей день там же, – заметил Чарли. – А теперь выкладывай что-нибудь лакомое, от чего у торговцев недвижимостью глаза и зубы разгорелись бы. Сколько там спален, гостиных, ванных комнат? Надо полагать, все то, что мы, профессионалы, называем инфраструктурой, там имеется. А есть ли какие-нибудь изыски в виде башенок, амбразурок и прочих архитектурных излишеств?

Чарли откинулся на спинку стула, чтобы не мешать официанту. Оставив разговоры, друзья принялись уплетать аппетитные золотистые блины, внутри которых влажно поблескивали холмики солоноватых, черных, лопавшихся во рту пузырьков.

– Вот бы каждый день так есть, – сказал Макс, тщательно подбирая последние крошки. – Как по-твоему, черная икра стала бы хуже на вкус, если бы ее называли «рыбьи яйца»?

Чарли утер губы салфеткой, допил шампанское и предупредил:

– Вина больше не получишь ни капли, пока детально не расскажешь о доме. Предоставь мне, дружище, подробнейшее описание недвижимости.

– Предоставь описание! Боже, ну и слог! Можно подумать, я читаю рекламу из журнала «Кантри лайф». – Чарли, усмехнувшись, кивнул, а Макс продолжил: – Давненько я там не был. Сколько лет прошло. Постой, не торопи. Помню библиотеку с большим чучелом медведя, столовую, только мы ею не пользовались, всегда ели на кухне; еще помню огромную гостиную со сводчатым потолком, винный погреб...

– Превосходно, – ввернул Чарли. – Наличие погреба особенно радует.

– ...и огромный, разделенный на секции чердак, который тянулся поперек всего третьего этажа...

– Не чердак, Макс, а ряд мезонинов. Помещения для прислуги, – вполголоса уточнил Чарли. – Отлично. Уйма места, есть куда поселить и лишнюю горничную,

и буфетчика.

– Спален, кажется, шесть и две или три ванных комнаты. Ах да, еще был травяной теннисный корт и разные надворные постройки – сараи там, стойла всякие... Посреди двора старинный фонтан.

– Вот теперь я все прямо воочию вижу. Настоящее поместье. В каком оно состоянии? В ремонте нуждается? Хотя бы раз за последние сто лет туда являлись маляры или каменщики?

Макс помотал головой.

– Нет? Ну ясно, наверно, у них по горло работы в Котсуолде[б - Живописный холмистый район на юго-западе Англии, пользующийся популярностью у туристов.]. Ладно, а как внутри?

– Не в лучшем виде. Дом слегка, знаешь ли, обветшал.

Чарли замотал головой:

– Нет-нет, Макс, у нас это называется иначе. Мы говорим: «благородная патина времени и чуть поблекшая прелесть давней эпохи».

– Ага, вот-вот. Именно. Чего-чего, а патины этой там – сколько угодно.

Принесли баранину, сочную и нежную. Вино разлили по бокалам, друзья, как положено, повосхищались цветом и ароматом, затем отпили по глоточку. Все еще вдыхая винные пары, Чарли глянул на Макса:

– Ну, как оно тебе?

Макс отхлебнул еще, подержал вино во рту, «пожевал», подражая Чарли, и заключил:

– Что говорить, винцо славное, чертовски славное.

Чарли закатил глаза:

– Не то, старина, не то. Серо, бесцветно. Так произведение искусства не описывают. Пора освежить словарь, позаимствовать яркие выражения у профессионалов и знатоков. – Предвидя возражения, он поднял руку: – Знаю, знаю. Сколько раз ты корил нас, торговцев недвижимостью, за нашу высокопарную тарбарщину. Поверь мне, в сравнении со специалистами в винном бизнесе мы жалкие новички. – Держа бокал за основание, Чарли осторожно покачал рубиновое содержимое и принял эффектную позу. – Что можно узреть в этом фиале? Привядшие тюльпаны? Бетховенскую мудрую нежность? Многомерность, почти готическую... – Глянув на опешившего Макса, он ухмыльнулся: – Честно говоря, я и сам раньше не слышал столько чепухи, но истые ценители способны нести эту ахинею часами.

И он рассказал о первом заседании Клуба молодых дегустаторов, куда его пригласил Билли, знакомый виноторговец. С полдюжины молодых людей – любителей выпить, но еще отнюдь не знатоков – собрались в фешенебельном районе Сент-Джеймс, в величественных апартаментах одной старинной фирмы, веками занимавшейся морскими перевозками. Там-то, в ее штаб-квартире, среди изящных плевательниц и мерцающих свечей, под портретами почтенных усатых основателей фирмы, членам клуба предстояло дегустировать вина от не очень известных производителей из окрестностей Бордо и от одного-двух многообещающих новичков из Австралии и Калифорнии.

Билли, выступавший в роли хозяина, по меркам виноторговцев был еще молод. Его взяли в фирму, когда более пожилые сотрудники заметили, что столь же пожилые клиенты покупают все меньше вина, часто по естественным причинам (или, как выражаются некоторые, по причине смерти). Перед Билли была поставлена задача: найти мучимых жгучей жаждой клиентов помоложе (у которых впереди тридцать, а то и все сорок лет безмятежного питья), привить им вкус к хорошему вину и, естественно, тем самым превратить их в надежных клиентов фирмы. Чарли попал в первую же группу алчущих просвещения невежд, и для начала Билли продемонстрировал им основные этапы дегустации. Следите за мной, сказал он, и делайте, как я.

Ученики были немало озадачены, видя, что первым делом церемониймейстер взялся за собственный галстук: конец изящного, в горошек аксессуар из дорогущего плотного шелка был решительно заткнут за пояс брюк, после чего Билли настоятельно рекомендовал молодым дегустаторам последовать его

примеру.

Затем он поднял бокал, но не кое-как, а бережно придерживая его за основание большим, указательным и средним пальцами. В ожидании дальнейших инструкций члены группы выстроились перед ним – галстуки заткнуты за пояс брюк, бокалы, еще пустые, на изготовку.

– Как покружить вино? – риторически спросил Билли. – Этому необходимо научиться. Надо открыть его воздуху, чтобы вино «подышало».

Изо всех сил стараясь воспроизвести легкие вращательные движения его руки и подавляя ощущение нелепости происходящего, молодые дегустаторы исправно покачивали пустые бокалы с воображаемым вином. То ли еще будет, прежде чем придет мастерство...

Потом они поднимали пустые бокалы к свету канделябров и восторгались воображаемыми оттенками воображаемого вина. Опустив носы к воображаемому напитку, вдыхали воображаемый букет. Отпивали по воображаемому глотку и делано сплевывали воображаемое вино, радуясь, что их галстукам не грозит пострадать от воображаемых капель. К этому моменту каждому отчаянно хотелось тяпнуть двойную порцию шотландского виски, но об этом не могло быть и речи.

Наконец настало время перейти ко второму этапу. Билли разлил по бокалам несколько сортов вина, которое новичкам предстояло оценить. Процедура напоминала урок анатомии. У вина есть нос[7 - Аромат (профессиональный жаргон дегустаторов).], услышали будущие знатоки. У вина есть тело[8 - Термин, означающий плотность вина.] и ноги[9 - Потехи на внутренней стороне бокала после взбалтывания вина.]. У вина есть одежда[10 - Сочетание цвета и прозрачности (от фр. «robe»)], букет, индивидуальность, некая сущность. Однако нельзя ограничиваться простым исполнением ритуальных приемов, указывал Билли. Нужно уметь описать то, что вы только что продегустировали. И пока ученики старательно покачивали бокалы, отпивали и сплевывали, Билли без усталости описывал предлагаемые вина.

Первое он назвал энергичным, добавив, что оно хорошо сложено, даже чуть пышно в груди. Второе окрестил железным кулаком в бархатной перчатке. В третьем ему почудились зазубренные края, но в целом он счел его вполне

пристойным. Четвертое оказалось слишком юным для такого позднего часа. И так далее в том же роде. По мере того как будущие дегустаторы переходили от одной бутылки к другой, третьей, описания впечатлений становились все причудливее. Что только там не упоминалось: трюфели и гиацинты, сено и влажная кожа, отсыревший твид, мех ласки, заячье брюшко, старый ковер, носки долгой выдержки. Возник и музыкальный образ: про одно вино было сказано, что его долгое послевкусие напоминает финальные аккорды рахманиновской Симфонии № 2 (Адажио). Как ни странно, никто ни словом не упомянул основу любого вина – видимо, потому, что виноград, при всех его явных достоинствах и несомненной важности, считается недостаточно экзотическим и, следовательно, не заслуживает чести войти в лексикон истинных ценителей вин.

– То было лишь первое заседание, – продолжал Чарли. – Дальше дело пошло уже лучше, я узнал много нового, – с глубокомысленным видом он устремил взгляд в темно-рубиновую глубь бокала и, обращаясь скорее к самому себе, чем к Макс, проговорил: – Это самый элегантный напиток в мире. Когда подкоплю деньжат, буду предаваться винопитию ежедневно. Может, даже куплю себе виноградник. – Вынырнув из своих грез, он глянул на Макса и улыбнулся: – А у тебя виноградник уже есть. Везунок ты, чертяка.

– Есть-то есть, да только вряд ли надолго. Думаю, придется его продать.

Чарли поморщился, но тут же с деловито-строгим выражением лица произнес:

– Никогда, ни при каких обстоятельствах не спеши с продажей земли. Земельку ведь больше не производят – так я, по крайней мере, слышал. Сдавай в аренду или просто седи на ней сиднем, только не сбывай ее с рук. В любом случае с виноградника в двадцать гектаров ты получишь очень приличный доход.

Максу вспомнилось море зелени вокруг старого дома. А где-то на горизонте всегда маячил трактор. Тракториста дядя Генри звал Рассел, но сомнительно, чтобы это было его настоящее имя. Он иногда приходил к дяде, от него пахло чесноком и машинным маслом. А при рукопожатии казалось, что сжимаешь нагретый кирпич.

– Не знаю, Чарли. Эти игры ведь не для дилетантов.

Прожевав кусок баранины, Чарли вдумчиво отпил большой глоток из бокала.

– Да, – подтвердил он, – что и говорить, в этом деле многое переменялось. На наши курсы ходит один малый, он работает на очень крупных поставщиков, так он мне рассказал потрясающие вещи. К примеру, про эксклюзивные вина с крошечных участков. Ты про такие слыхал?

Макс отрицательно покачал головой.

– Те, кто понахальнее, называют эти вина бутиковыми или «от кутюр». Небольшие виноградники, малый объем продукции, заоблачные цены. Сейчас, пожалуй, самое известное из них – это «Ле Пен». Ящик уходит за пять тысяч фунтов, а то и больше. Такое вино каждый день не пьют. А производитель в шоколаде, верно? На твоих же двадцати гектарах можно вырастить до черта винограда.

Набывшись, Чарли многозначительно вперился в лицо друга; этот взгляд исподлобья производил большое впечатление и на девушек, и на его клиентов, которым он расписывал особенно лакомую недвижимость.

У Макса возникло ощущение, что его подталкивают, и не очень-то деликатно, к совершенно новой жизни среди виноградных лоз. И чем ниже опускался уровень вина в графине, тем отчетливее становилось это ощущение. В какой-то момент Чарли отбросил рациональные аргументы и начал взывать к якобы дремлющему в душе Макса желанию стать французским крестьянином.

– Купи себе берет! – кричал Чарли. – Научись водить трактор! Не бойся запачкать свои белые ручки! Тебе все это понравится! Вот увидишь.

Потом друзья просто ели и пили, ничуть не тяготясь молчанием. Время от времени Чарли поглядывал на Макса, пытаясь понять, о чем тот думает. Вообще говоря, Макс и сам не очень понимал о чем. Ему всегда нравились перемены, и одна мысль о том, что из сырого Лондона, где теперь и работы нет, можно перебраться в южную теплынь под яркое солнце, уже грела душу. Кроме того, ему хотелось проверить, насколько верны его воспоминания: так ли уж велик старый дом; сохранился ли в комнатах резковатый запах сухих трав и лаванды; те ли звуки слышатся там летним днем; хороши ли, как прежде, деревенские девушки.

К несчастью, от тоски по прошлому в кошельке не прибавится ни пенса.

– Беда в том, – признался Макс, – что я сижу без гроша. И не просто без гроша – дело обстоит куда хуже. Полная финансовая катастрофа: долги за квартиру, по кредитным картам, всего и не перечислить. Не могу я взять и укатить на юг Франции. Сначала надо найти работу. Так-то, дружище.

– Давай возьмем сырку и с ним допьем вино. А я тебе объясню, что все совсем даже не так. – Чарли наклонился над столом и, для большей убедительности тыча пальцем в скатерть, произнес: – Во-первых, для тебя настал чудесный миг полной свободы. Никаких срочных дел, никаких обязанностей и назначенных встреч...

– Ни пенса в кармане, – вставил Макс.

– Об этой ерунде я скажу чуть позже. Ты сейчас на крутом жизненном повороте – самое время передохнуть и спокойно посмотреть на то, что благодаря судьбе и дяде Генри само свалилось тебе в руки; а потом уж решишь, чем хочешь заняться. Погода там будет замечательная, поездка пойдет тебе на пользу. На щеках снова заиграет румянец.

– Чарли, да ты не...

– Выслушай меня. В самом худшем случае ты решишь продать дом и, раз уж ты там, поручишь это дело местному агенту по недвижимости. А вот в лучшем... В лучшем случае решишь остаться и заняться тем, чем я и сам хотел бы заниматься: производить по-настоящему классное вино. Что может быть приятнее? Хорошие условия труда, деньги текут рекой, а бесплатного вина – хоть залейся. Рай, да и только.

В пылу очередного увлечения Чарли обычно заносило, и он решительно не желал обращать внимание на практические трудности. Максу вновь пришлось напомнить другу про свое безденежье. Он едва мог наскрести на билет до Брайтона, что уж говорить о разведывательной поездке на юг Франции.

– Я как раз к этому подхожу, – заверил его Чарли. Похлопав себя по карманам пиджака, он выудил оттуда чековую книжку и шлепнул ее на стол. – Теперь я

зашибаю столько, что не знаю, куда эти бабки девать, и сейчас жду очередной куш. Квартиру мне оплачивают, машину выдали, а к яхтам и скаковым лошадям интереса я не питаю.

Сияя довольной улыбкой, он откинулся на спинку стула.

– А к женщинам? – поинтересовался Макс.

– Само собой. Но это же карманные расходы, не более. – Чарли достал ручку и открыл чековую книжку. – Считаю, что берешь краткосрочный заем до той поры, пока не разбогатеешь. – Он выписал чек, вырвал его из книжки и вручил Макс. – Вот. На месяц-другой, пока ты будешь там осваиваться и вникать в дела, должно хватить.

Макс заглянул в наспех нацарапанный чек и изумленно заморгал:

– Ты что, Чарли, я не могу...

– Не валяй дурака, черт тебя подери. Если продашь дом, разом все вернешь. Если же оставишь дом себе, мы будем считать это чем-то вроде закладной. Но не попытать счастья просто грех. Такое, старина, бывает раз в жизни. Как ты смотришь на рюмочку кальвадоса?

Макс продолжал упираться, Чарли настаивал; за первым стаканчиком последовал второй, третий... Друзья не заметили, что ресторан затих и опустел. Сомелье все еще стоял возле их столика с бутылкой кальвадоса наготове и, подавляя зевоту, тосковал по хорошему спокойному перекуру. Из кухни донесся смех, официанты стаскивали со столов скатерти. Прелестная Моника, уже в черном кожаном костюме, с мотоциклетным шлемом в руке, приостановилась возле их столика, погладила Чарли по голове и пожелала им обоим доброй ночи.

В конце концов Макс сдался, заплетающимися пальцами сложил чек и убрал его в бумажник. Затем с еще большим трудом написал на салфетке долговую расписку на десять тысяч фунтов и затолкал ее в верхний карман пиджака Чарли.

Глава 3

После утренней пробежки Макс открыл воду в душе на полную мощь и, чувствуя, как горячие струи лупят по особо чувствительному после попойки черепу, принялся перебирать события последних суток. Все к лучшему, одеваясь, решил он; ему повезло, и повезло крупно. Отправившись пешком в Найтсбридж выпить чашечку кофе, он неожиданно для себя заметил, что насвистывает «Марсельезу».

День выдался серенький, но без дождя, и Макс сел за один из столиков, вынесенных на тротуар, – очередная попытка лондонских рестораторов хотя бы летом воспроизвести шарм парижских кафе. Посетители вокруг бормотали что-то в мобильные телефоны, перебирали документы, поглядывали на часы, боясь опоздать на работу. А Максу вся эта суета больше ни к чему! Его охватила такая острая радость, что он даже чуточку устыдился. Сегодня всего и дел, что получить деньги по чеку, договориться с notaire[11 - Нотариус (фр.).] о своем визите и заказать билет.

Прежде всего – notaire. В Англии сейчас половина девятого, во Франции половина десятого; контора должна быть открыта. Макс достал закапанное кальвадосом письмо и, разглаживая его на столе, стал внутренне готовиться к разговору на французском. Он уж и не помнит, когда последний раз проходил эту пытку. Не трусь, убеждал он себя, набирая номер, дело нехитрое, вроде езды на велосипеде: раз научившись, не забудешь никогда. И все равно, услышав сквозь помехи металлический женский голос, недовольно бросивший «Алло?», он ответил не сразу. Как водится у французов, интонация была такая, будто он выбрал крайне неудачное время для звонка.

Однако стоило Максиму объяснить, что он племянник Генри Скиннера и наследник всей его собственности, голос, принадлежавший, как выяснилось, секретарше мэтра Озе, заметно потеплел. Хотя разговор несколько раз прерывался – секретарше требовалось посоветоваться, скорее всего, с самим нотариусом, – в конце концов они договорились, что Макс может приехать в контору завтра после двенадцати. Он допил кофе и отправился искать ближайшее бюро путешествий.

– Компания «Эр Франс», до Марселя? – Девушка в турагентстве не соизволила даже проверить информацию по компьютеру. – Вынуждена вас огорчить, сэр.

«Эр Франс» больше не совершает прямых рейсов из Лондона до Марселя. Могу взглянуть, как обстоят дела с «Бритиш эруэйз».

С тех пор как одна авиакомпания потеряла его чемодан и безосновательно обвинила в том, что он якобы не ту бирку наклеил на свой багаж, Макс возненавидел всех авиаперевозчиков. Чемодан ему несколько дней спустя вернули; он был расплюсчен и явно побывал под колесами – об этом свидетельствовали следы шин. Однако ни извинений, ни компенсации за ущерб не последовало. Если бы Макс так не торопился в Прованс, он поехал бы на поезде.

Выяснилось, что на прямые рейсы все билеты уже проданы; пришлось согласиться на перелет до Парижа, где он сможет сразу пересест на другой самолет и к обеду будет в Марселе. С билетом в кармане Макс забежал в свой банк, а остальную часть дня посвятил хозяйственным делам, поскольку уезжал он из Англии, видимо, надолго.

Вечером, когда все было сделано и вещи уложены, он вылил в стакан остатки водки и устремил взгляд за окно, где сквозь сгущающуюся тьму не пробивался ни единый отблеск заката. Приятное волнение и предвкушение удовольствия нарастали. Завтра он увидит солнце и будет спать в незнакомой кровати – не исключено, даже в своей собственной незнакомой кровати, если, конечно, не возникнут трудности с получением наследства. От возможностей, которые сулила новая жизнь, слегка кружилась голова. Макс записал на автоответчике новое сообщение: «Уехал во Францию. Приеду через полгода. Вероятно».

Аэропорт Хитроу, как всегда битком набитый пассажирами, навел тоску; над Парижем небо затянули тяжелые тучи. Лишь когда navette[12 - Самолет, совершающий челночные рейсы (фр.)] «Эр Франс» миновал Сент-Этьен, небо очистилось и на много миль вокруг засияло яркой, как на открытках, синевой. В Марселе Макс из аэропорта направился в службу проката машин и тут же с удовольствием окунулся в густой полдневный зной. Таксисты в темных очках и рубашках с коротким рукавом отсиживались в тени своих машин, разглядывая девушек в открытых летних платьях. Легкий ветерок донес запах дизельного топлива, который всегда навевал Максиму воспоминания о Франции; ослепительно яркое солнце четко высвечивало каждую складку, каждый выступ в известняковых скалах позади аэропорта. Оптимальный свет для художников. Максиму его лондонский костюм показался тусклым и чересчур плотным – явно не

по погоде.

Взятый напрокат маленький «рено» катил в сторону Люберона; пейзаж вокруг был нов и одновременно знаком, напоминая Максу о школьных летних каникулах: его сразу же отправляли во Францию, где дядя Генри встречал его в аэропорту и вез к себе. Свернув с Седьмой автомагистрали, он поехал по узкой извилистой дороге через сосновые и дубовые рощи; в открытое окно бил теплый ветерок, из радиоприемника медовый голос Патрика Брюэля томно нашептывал: «Parlez-moi d'amour»[13 - «Говорите мне о любви» (фр.)].

Однако мысли об amour вскоре вытеснило острое желание облегчиться. Макс съехал на обочину, припарковался рядом с запыленным белым «пежо» и ринулся в кусты. Там, как выяснилось, уже расположился по той же надобности водитель «пежо»; мужчины с пониманием по-приятельски кивнули друг другу.

Спустя некоторое время Макс нарушил молчание:

– Славный денек. Солнышко чудесное.

– C'est normal[14 - Обычное дело (фр.)].

– В моих краях это редкость.

Собеседник пожал плечами, застегнул молнию, закурил сигарету, кивнул на прощанье Максу и направился к своей машине, а Макс предавался размышлениям о на диво беспечном отношении французов к естественным отправлениям. Невозможно себе представить подобное в Англии, где-нибудь на окольной дорожке близ Кингстона. Там если человек и решится на столь отчаянный шаг, то совершать он его будет тайком, виновато косясь через плечо, в жутком смущении и страхе: а вдруг сюда завернет случайная полицейская машина? Тогда бедняге не миновать ареста за непристойное поведение.

Он проехал по мосту через Дюранс; на картах Дюранс числится рекой, но из-за ранней летней засухи она обмелела и превратилась в мутный ручеек. Дальше начинался департамент Воклюз, а прямо по курсу показался Люберон – цепь невысоких округлых холмов, очень уютных с виду благодаря густым зарослям вечнозеленого карликового дуба. Этот фотогеничный горный кряж уничижительно называли живописными горами. Действительно, издали они

были даже чересчур красивы. Но Макс, не забывший своих мальчишеских походов и приключений, знал, что склоны там куда круче и выше, чем кажется, а скалистый грунт под дубовыми зарослями режет ноги не хуже коралловых рифов, так что лазать по этим горам нелегко.

Свернув с главной дороги и следуя указателям, он направился в Сен-Пон. Интересно, сильно ли изменился поселок с той поры, когда он был там последний раз? Наверяд ли. Эти пологие отроги Люберона, у подножия которых лежит деревушка, не входят в число элитных районов департамента. И в отличие от сверхмодных деревень – таких, как Горд, Менерб, Бонньё, Руссильон, Лакот, – Сен-Пон не может претендовать на почетное звание *village perche*[15 - Деревня на возвышенности (фр.)], поскольку построен был не на вершине холма, а на равнине. Быть может, именно это обстоятельство благотворно сказалось на нраве местных жителей: в округе они славятся большим дружелюбием и радушием, чем их соседи, живущие севернее, на высоких утесах, и в прошлые времена веками враждовавшие друг с другом.

Красивая, обсаженная платанами дорога вела прямо в деревню. Если верить легендам, эти платаны, как и все прочие в Провансе, насадил Наполеон, чтобы укрыть от солнца проходившую здесь армию. Как при такой одержимости зелеными насаждениями он находил время для войн – или хотя бы для Жозефины, – история умалчивает.

Макс поставил машину в тень и отправился на центральную площадь. Все было таким, как ему помнилось: кафе, табачная лавка, мэрия и фонтан. Единственное новшество – ресторанчик; в тени больших зонтов не спеша ели люди; ни единого свободного столика. Что же там было раньше? Наверно, деревенская парикмахерская. В голове всплыла смутная картинка: его стрижет крупная надушенная женщина, ее объемистый бюст либо упирается ему в ухо, либо маячит перед глазами, воспламеняя воображение подростка.

От сквера отходили тенистые, узкие, не шире коридора, улочки. Макс заметил вывески над дверями булочной и лавки мясника, а дальше, на углу, – облезлый указатель со стрелкой, над которой он разобрал заветное слово *Notaire*. Макс взглянул на часы; до назначенной встречи еще полчаса, которые надо где-то убить. Солнце палило немилосердно. Мучимый жаждой, Макс зашел в кафе, приветственно кивнув компании престарелых картежников; те прервали игру и уставились на облаченного в костюм чужака. Макс заказал *pastis*[16 - Анисовый ликер (фр.)].

Женщина за стойкой махнула рукой в сторону уставленной бутылками полки:

- Lequel?[17 - Который? (фр.)] Ricard? Casanis? Bardouin? Janot? Pernod?

Макс пожал плечами, и она понимающе улыбнулась:

- Alors, un Ricard[18 - Тогда «Рикар» (фр.)].

Налив в стакан щедрую порцию, она поставила его на оцинкованную, в царапинах и вмятинках стойку, рядом с кувшином, покрытым капельками влаги. Макс добавил в стакан воды и направился к столику на террасе, где к нему присоединилась местная собака. Она положила голову Максу на колено и уставилась на него большими и выразительными – как у Чарли – карими глазами.

Макс сделал первый глоток мутной беловатой жидкости: напиток был крепкий, освежающий, с резковатым вкусом анисового семени. Чудеса: изредка он заказывает его в Лондоне, но здесь он почему-то куда вкуснее. Конечно, сказывается жара, в такое пекло «Рикар» – самое подходящее питье. Но и обстановка имеет значение. Пастис особенно вкусен, когда рядом щелкают, ударяясь друг о друга, boules[19 - Шары (фр.)] и слышится французская речь. А было бы еще вкуснее, подумал Макс, если бы не костюм и не носки на ногах. Он достал письмо notaire и еще раз пробежал его глазами; вспомнились слова Чарли: «новая жизнь... считай, ты напал на золотую жилу... за бутиковыми винами будущее». Макс поднял стакан и выпил за будущее.

По другую сторону площади последние посетители ресторанчика не без опаски выходили под палящее солнце, поспешно нацепляли темные очки и неторопливо, вразвалочку, как положено после обеда, отправлялись по делам. Один, определенно зажиточный, пузан с недокуренной сигарой в зубах свернул в улочку, которая вела к конторе нотариуса. Может быть, он и есть notaire? Макс допил пастис и встал из-за стола. Пора вступать в наследство.

Контора оказалась в самом конце улочки, на краю деревни, дальше начинались виноградники. Дом нотариуса был небольшой, окна от жары закрыты ставнями, на входной двери медная дощечка. Макс нажал на кнопку звонка.

– Oui?[20 - Да? (фр.)] – раздался из домофона знакомый металлический голос, явно раздраженный нарушением распорядка дня.

Макс представился, замок щелкнул, и он вошел в контору – знакомиться с обладательницей голоса.

За большим старомодным, заваленным папками письменным столом сидела средних лет женщина в мелких кудельках перманента, модного в дни молодости ее матери. Изобразив подобие улыбки, она махнула рукой в угол комнаты, где стояли два стула с жесткими спинками:

– Мэтр Озе скоро освободится.

И вновь углубилась в бумаги.

Со стоявшего рядом столика Макс взял журнал «Кукушка» – полугодовой давности, с обтрепанными уголками. Твердо следуя редакционной политике, все внимание журнал уделял похождениям постоянных своих героев: монакской принцессы Стефани, последней (на данный момент) голливудской знаменитости, сыну Жан-Поля Бельмондо, принцу Уильяму, Джонни Холлидею. Влюбились они или уже разлюбили, значения не имело; главное, что любое событие их жизни наверняка вызовет острый интерес у ожидающих приема посетителей.

Макс углубился было в эксклюзивное интервью с лучшим пластическим хирургом Бразилии, но его отвлекли громкие сердитые голоса, доносившиеся из-за закрытой двери, где, по его предположениям, находился кабинет мэтра Озе. Наконец кто-то возмущенно крикнул, дверь распахнулась, и, громко топая, из кабинета вышел дюжий мужчина с пропеченным на солнце крестьянским лицом; с порога он злобно зыркнул на Макса. Секретарша и глаз не подняла от бумаг. Лицо сердитого посетителя показалось Максиму смутно знакомым, но где он мог его видеть прежде, Макс понятия не имел и решил продолжить чтение; судя по интервью, бразильский хирург добился потрясающих успехов в подтягивании ягодиц.

Несколько секунд спустя послышался стук каблуков по кафельным плиткам пола, и в дверях, приветливо улыбаясь, возник мэтр Озе.

– Месье Скиннер? Очень рада познакомиться. Не зайдете ли в кабинет?

От изумления Макс на миг онемел. Затем встал и пожал протянутую руку. Вопреки своему официальному мужскому званию, мэтр Озе оказался молодой стройной женщиной с оливковой кожей и густыми блестящими, рыжими, будто окрашенными хной, волосами – такие видишь только во Франции. Ее жакет с юбкой неплохо смотрелись бы даже в Париже, а элегантные ножки были обуты в не менее элегантные туфельки на высоких каблуках.

– Месье Скиннер? – Ее, очевидно, забавляло его беспредельное удивление. – Что-то не так?

Макс замотал головой и пробормотал, что ни разу не видал своего английского адвоката, мистера Чэпмена, в туфлях на высоких каблуках, после чего проследовал в кабинет. В отличие от приемной со скудной и довольно обшарпанной мебелью кабинет мэтра Озе походил на хозяйку: элегантный, современный, в бежево-коричневых тонах. На письменном столе – ничего, кроме ноутбука, блокнота, вазы с пионами и хрустального стакана с целым букетом ручек «монблан».

– Будьте добры, представьте какой-нибудь документ, удостоверяющий вашу личность, – попросила она и с улыбкой добавила: – Чистая формальность.

Макс протянул ей паспорт. Надев очки, она сопоставила фотографию с сидящим напротив оригиналом и покачала головой:

– Эти снимки редко нам льстят, правда? Почему – хотела бы я знать.

Легким движением пальцев она подтолкнула паспорт к Максиму и достала из выдвижного ящика связку больших старинных ключей на бечевке.

Затем мэтр Озе принялась перебирать документы в папке с его фамилией, зачитывая отрывки из разнообразных бумаг. Макс слушал краем уха, юридические тонкости его не занимали: пользуясь тем, что мэтр сидела опустив голову, он увлеченно ее разглядывал. Она слегка наклонилась к столу, и шелковая блузка чуть приоткрыла ложбинку на груди; смуглая кожа южанки прямо-таки светится; волосы – чудо; ногти на изящных ручках некрашенные; обручального кольца нет. Может быть, судьба его и впрямь делает поворот к лучшему? Макс стал мысленно подыскивать повод для другой, не столь деловой

встречи.

– ...Таким образом, сейчас вам незачем волноваться насчет налога на имущество. Срок оплаты наступит лишь в ноябре. – Она закрыла папку и отодвинула ее от себя вместе с ключами. – Voilà?[21 - Вот и все (фр.)].

Потянувшись к блокноту, она что-то туда записала и вдруг слегка надула губы, словно подчеркивая тяготы жизни notaire:

– К сожалению, дела о наследстве часто весьма запутанны. – Она взглянула на Макса поверх очков и грациозно наклонила голову. – Один такой путаник как раз уходил от меня, когда вы сидели в приемной; вы, наверно, его заметили.

В памяти Макса всплыло хмурое крестьянское лицо.

– Вид у него был не слишком довольный. Кто это?

– Клод Руссель. Он работал у вашего дядюшки.

Вот теперь Макс вспомнил. Это же Рассел, только с годами постаревший, огрузневший, полысевший и потрепанный жизнью, но, безусловно, тот же самый человек, которого он пару раз видел в дядином доме.

– Что его так расстроило?

Мэтр Озе посмотрела на часы с браслеткой из тонких золотых пластин.

– Объяснить это довольно сложно, сегодня у меня слишком мало времени...

Макс радостно вскинул руку:

– Мне пришла в голову чудесная мысль...

Она молча, с легкой улыбкой глядела на него.

– Завтра. Пообедаем вместе. Даже notaire необходимо обедать, правда?

Она сняла очки. На мгновение заколебалась, потом повела плечом:

- Да, notaire действительно необходимо обедать.

Макс встал и склонил голову в нынешнем, укороченном варианте поклона.

- Тогда до завтра, - сказал он и повернулся к двери.

- Месье Скиннер! - окликнула она. - Не забудьте ваши ключи.

Макс взял ключи и папку с документами. По дороге к выходу он на минутку остановился у стола секретарши:

- Надеюсь, вас ждет сегодня поистине замечательный вечер. Шампанское и танцы.

Та глянула на него и утвердительно кивнула:

- Конечно, месье.

Макс, насвистывая, вышел из нотариальной конторы. Секретарша проводила его глазами. Молодые люди часто ведут себя подобным образом после первой встречи с мэтром Озе.

Глава 4

Макс выехал из деревни и направил машину к дому дяди; каждый поворот будил новые воспоминания. Придорожные кюветы по-прежнему были глубокими и заросшими зеленью, как и в ту пору, когда дядя Генри посылал по утрам маленького Макса на ветхом велосипеде к булочнику - с напутствием: если он сумеет привезти круассаны еще теплыми, его ждет награда в пять франков. Макс гнал во всю мочь, бешено крутя педали в надежде побить собственный предыдущий рекорд и положить еще один пятифранковик в старую банку из-под горчицы, хранившуюся у кровати. Пустая в начале каникул банка к концу

заполнялась и, к великому удовольствию маленького Макса, заметно тяжелела. Так он впервые изведal, что такое собственное богатство.

Он притормозил перед выщербленными каменными столбами, за два века почти почерневшими от ненастья. От них к дому вела грунтовая дорога. Выбитое в камне название «Ле-Грифон» было едва различимо: за долгие годы борьбы со стихиями буквы затянуло мягким пушистым лишайником.

Проехав дальше мимо стройных рядов аккуратно обрезанных виноградных лоз, Макс поставил машину под огромным платаном, посаженным еще до Наполеона. Его раскидистая крона затеняла всю длинную южную стену bastide. В отличие от ухоженного виноградника сад был заброшен, так же как и сам дом. Своим убогим видом он напоминал знатную даму, на лице которой начал трескаться и осыпаться густой слой грима. Нарядный фасад нуждался в срочном обновлении, закрытые ставни годами не видели краски, вспучившийся темно-зеленый лак на парадной двери стал облетать хлопьями. Во дворе сквозь слой гравия энергично пробивались сорняки, в квадратном каменном bassin[22 - Бассейн (фр.).] скопилась густая мутная жидкость, в которой отчаянно боролись за жизнь водяные лилии. Над головой, в ветвях платана ссорились голуби.

Довольно грустное зрелище. Тем не менее легко можно было представить, каким этот дом когда-то был и каким он может стать вновь. Макс направился к двум пристройкам дома; передние стенки этих сараев отсутствовали. Помнится, дядя Генри держал там свой выдавший виды черный «Ситроен ДС». Автомобиля уже нет, остались лишь несколько ржавых сельскохозяйственных орудий и два велосипеда с красными резиновыми шинами, которые в детстве ему необычайно нравились, хотя уже и тогда велосипеды были далеко не новыми.

Вернувшись к парадной двери, Макс подобрал ключ к замочной скважине, но тот решительно не желал поворачиваться. И тут новоявленный хозяин вспомнил, что у французов ключ следует поворачивать совсем не в ту сторону, что в англосаксонских замках. Качая головой, Макс толкнул дверь, она отворилась. Ох уж эти французы, вечно затрудняют жизнь иностранцам. Даже простейшие вещи превращают в головоломку.

Из-за закрытых ставней в доме было сумрачно; в полумраке он разглядел каменную лестницу с широкими ступенями, которая уходила наверх, в темноту. В прихожей слева и справа высились двустворчатые двери, за которыми располагались внушительных размеров гостиные первого этажа – классическая

планировка bastide. Макс вошел в темную кухню и распахнул ставни; предвечернее солнце затопило огромное помещение, под его лучами вспыхнули и заискрились плавающие в затхлом воздухе пылинки. Одну стену целиком занимали массивная чугунная плита и раковина размером с ванну, другую стену – застекленные шкафы и буфеты; посреди кухни, как и прежде, стоял большой дощатый стол. Макс провел пальцами по его поверхности и нащупал место, где когда-то вырезал ножиком свои инициалы. Здесь ничего не изменилось.

За высокими прямоугольными окнами виднелись отроги Люберона, а между ними и домом – опять виноградники. Их объезжала дозором все та же неизменная фигура на тракторе, волокущем некое приспособление, из которого на ровные ряды зеленеющих лоз летели голубые облака пестицида. Наверняка это Руссель, вероятно, все в том же скверном настроении, которое откровенно выказал в нотариальной конторе. Лучше им подождать со встречей, решил Макс, пусть Руссель немного остынет.

Наметанный крестьянский глаз подмечает малейшую перемену в знакомом пейзаже, и Руссель издали углядел, что в доме открывают ставни. Он немедленно достал мобильник, чтобы сообщить новости жене Людивин:

– Явился-таки англичанин этот. Сейчас в доме. Нет, еще не встречался, но видел его в конторе Озе. Молодой. – Проехав ряд до конца, Руссель прервал разговор, развернул трактор с прицепом и только тогда возобновил беседу: – Симпатия? Откуда мне знать, симпатия он или нет. Англичан поди разбери.

Оглянувшись на дом, он сунул телефон в карман и вздохнул. Ох уж эти англичане. Бедная Франция, когда только кончится их нашествие? Сзади раздался жалобный визг, Руссель оглянулся. Merde[23 - Вот дерьмо! (фр.)]. Его трусивший за трактором пес случайно попал в облако распыленной bouillie bordelaise[24 - Бордоская жидкость (фр.)], отчего голова у собаки, и без того своеобразной наружности, стала ярко-голубой.

Макс продолжал знакомиться с домом заново. Он открывал ставни, распахивал дверцы гардеробов, сопоставляя нынешние впечатления с далекими воспоминаниями детства, и постепенно топография дома прояснилась. Во всяком случае, он гораздо больше, чем представлялось Макс. Даже Чарли

пришлось бы сильно расширить свой профессиональный словарь, чтобы подобающим образом описать шесть спален, библиотеку, столовую, громадную гостиную, кухню, разделочную, просторную кладовую для провизии, посудомоечную, чулан для хранения упряжи и сбруи... Да, где-то в дальнем крыле дома есть, разумеется, еще и погреб. Под стук собственных шагов по каменным плитам пола Макс пересек гостиную и остановился у покрытого слоем пыли пианино далеко не первой молодости, на нем стояло несколько фотографий. Его внимание привлек выцветший черно-белый снимок: мужчина и мальчик щурятся под ярким солнцем. Это же дядя Генри и его юный племянник со старинными деревянными теннисными ракетками в руках.

Через небольшую дверь возле камина Макс вышел из гостиной и сбежал по каменным ступеням. Вот она, дверь в погреб. Он отпер ее и распахнул. В лицо повеяло прохладой. Макс нащупал на стене выключатель.

Голая, без абажура, лампочка осветила узкое помещение, созданное для чисто утилитарных целей. Усыпанный гравием пол, низкий потолок, кирпичные клетки для хранения бутылок. Пахнет плесенью и намокшей паутиной. На стене висит старинный эмалированный термометр со шкалой от пятидесяти до минус пятнадцати градусов по Цельсию. Возле цифр загадочные пометы: пятьдесят градусов – прекрасный денек в Сенегале; тридцать пять – подходящая температура для роения пчел; минус десять – в такой холод реки скует льдом, а возле минус пятнадцати только дата жуткого мороза: 1859. В погребе двенадцать градусов тепла. Дядя Генри утверждал, что при любой погоде температура в хранилище меняется самое большее на один-два градуса. Стабильная температура, говаривал он, главный секрет вызревания ублаженного, пользительного вина.

Макс осмотрел бутылки. Обычный набор местных сортов красного и белого вина – бутылки «Шатонёф-дю-Пап», несколько ящиков «Расто» да черносмородиновой наливки; но по большей части – вино собственного производства; бутылки украшены наклейками с затейливым сине-золотым орнаментом, придумал который сам дядя Генри. Выбрав бутылочку «Ле-Грифон» 1999 года, Макс понес ее к поставленному на попа бочонку, служившему в погребе столом. Там лежал штопор, рядом стоял сомнительной чистоты стакан. Вытряхнув останки дохлой ухвертки, Макс протер его носовым платком, откупорил бутылку, налил вина и поднял стакан к свету: наступила минута, когда можно предаться мечтам о беспечальном своем процветании благодаря бутиковым винам.

Он понюхал напиток. Подержал его во рту. И, содрогнувшись, поскорее выплюнул, после чего протер пальцем зубы, чтобы снять осевший на них, как ему казалось, толстый слой танина. Вино уже почти превратилось в уксус – ну, держись, печень! Жуть.

Может быть, он просто неудачно выбрал бутылку. Макс взял другую, снова проделал всю положенную процедуру, и ровно с тем же результатом: пить эту жидкость было невозможно. На золотую жилу, о которой толковал Чарли, все это походило мало. Дай-ка я ему позвоню, расскажу неутешительные новости, подумал Макс и набрал номер:

– Звоню тебе из погреба, только что отведал вина.

– И?..

– Молодое, конечно.

– Ясное дело. Но надежды подает?

– Возможно, подает. Правда, не хватает изысканности. Нужен жесткий режим, твердая рука, шлепок по попке тоже не помешает. – Макс смолк и, не сдержавшись, выложил все как есть: – На самом деле, Чарли, оно отдает солдатской портянкой. Проглотить его я не смог. Хуже некуда.

– Правда? – В голосе Чарли слышалось не столько разочарование, сколько искренний интерес. – В этом может быть повинен винодел, а не виноград. Так часто бывает. Знаешь, кто нам нужен? Энолог.

– Кто-кто?

– Специалист по винам. Я про них читал. Среди этих ребят встречаются настоящие волшебники. Они мудруют, смешивая сорта с разных участков виноградника, пока не добьются нужного результата. Похоже на рецепт какого-нибудь блюда, только колдуют они не над едой, а над вином. Превратить дешевое пойло в «Петрюс» они, естественно, не в силах, но значительно улучшить продукт могут. Поспрашивай там местных. Наверняка где-нибудь неподалеку найдется энолог, и не один. Ну а с дворцом-то что? Нет-нет, не

рассказывай. Как только смогу, улизну к тебе на пару дней. А ты к моему приезду подготовь дам.

Макс вышел из погреба в глубокой задумчивости. Где искать винного волшебника? Их адресов и фамилий в телефонной книге не найдешь. Быть может, мэтр Озе знает, как их отыскать. Надо будет спросить ее за обедом.

При мысли о еде желудок Макса тут же напомнил хозяину, что после резиновой дряни, которой кормили в самолете, он с утра ничего не ел. Притащив чемоданы в довольно импозантную спальню – большой камин, несколько скверных картин, написанных покойным дядей, – Макс переоделся и пошел в деревню ужинать, хотя для ужина было еще рановато.

В Сен-Поне наступил желанный час, когда открывшиеся бары и пивнушки продают напитки со скидкой. В кафе у стойки выстроились пропылившиеся в полях словоохотливые крестьяне с дублеными лицами; они громко переговаривались, то и дело уснащая свою речь выражениями не менее крепкими, чем дым от их сигарет. Заказав «Рикар», Макс отыскал в углу свободное место и сел, чувствуя себя бледнолицым чужаком. Через открытую дверь он наблюдал за игрой в boules; игроки шумно препирались, неспешно переходя с одного конца площадки на другой. Косые лучи предзакатного солнца золотили каменные дома, обрамлявшие площадь; музыкальный автомат устроил бенефис Азнавура. Макс поверить не мог, что всего лишь сутки тому назад он смотрел из окна на серое лондонское небо. Наверно, он на другой планете. И, честно говоря, куда более приятной, чем прежняя. Эту радужную картину омрачали лишь два обстоятельства: неважное качество вина и тяжелый нрав месье Русселя.

А в нескольких километрах от Макса Руссель за ужином вымещал свой нрав на мадам Руссель, бурно обсуждая с ней новости дня. Мадам Руссель заслуживала всяческого восхищения, поскольку даже многолетний брак с заядлым пессимистом не помешал ей сохранить оптимизм.

– ...Ничего, кроме неприятностей, тут не жди, – говорил Руссель. – Перемены всегда к худшему, а он вдобавок молокосос. Возьмет да выдерет весь виноград и устроит поле для гольфа...

- Еще кускуса подложить? Или хочешь перейти к сыру?

Не прерывая мрачных пророчеств, Руссель протянул тарелку за новой порцией ароматного мясного рагу:

- ...либо вздумает переделать дом под гостиницу...

- Какую такую гостиницу?

- Ну знаешь, вроде модных нынче заведений со старинной мебелью и с обслуживанием в жилетах. А то еще решит...

- Eh ben oui![25 - Ну да, конечно! (фр.)] Атомную станцию построить, не иначе. Кло-Кло, что ты городишь? Ты с ним даже не знаком. Может, у него капитала побольше, чем у покойного старика, будет тратить его на виноградники. Может, он даже подумывает, не продать ли их нам. - Наклонившись к мужу, мадам Руссель стерла каплю подливы с его подбородка. - Во всяком случае, если хочешь что-то выяснить, пойдешь и поговоришь с ним, другого же выхода нет, non?[26 - Разве не так? (фр.)]

Руссель только хмыкнул в ответ; звук этот мог означать и согласие и отказ. Его супруга гнула свое:

- Ты же знаешь, Кло-Кло, что я права. Только, ради бога, не смотри на него сычом, улыбайся пошире. Прихвати бутылочку. А в разговоре не забудь вернуть про мою сестру.

Руссель закатил глаза:

- Как можно забыть про твою сестру?

И он потянулся к сырам.

Макс допил «Рикар», вышел из кафе и ненадолго остановился у площадки, чтобы посмотреть на игру в шары. Когда-то давно дядя Генри взялся объяснять ему тонкости ударов point, tir, raspaille, sautee (странная штука - французские слова

приходили на ум сами собой, хотя смысл их совершенно позабылся), показывал, как правильно стоять, как бросать шар. Обучение племянника проходило на закате, у парадной двери, посреди усыпанного гравием двора. Запомни, твердил дядя, для игрока залог успеха – это дар убеждать, поскольку лишь умение переспорить противников обеспечит ему и верную тактику, и удовольствие от игры.

Один из игроков как раз собрался бросить шар. Ступни вместе, колени согнуты, лоб сосредоточенно наморщен; наконец – бросок. Шар описывает в воздухе длинную смертоносную дугу, расшвыривает два чужих шара и останавливается на волосок от *cochonnet*, маленького деревянного шарика, в который бросавший и метил. Бросок, безусловно, победный, думал Макс, но все оказалось совсем не так просто: обе команды, как по сигналу, начали бурную перепалку. Потребовалось немедленно измерить расстояние между *boule* и *cochonnet* в миллиметрах и даже в долях миллиметра, потом перемерить, но результат был опять оспорен, и пришлось делать замеры заново. Голоса становились все громче, плечи негодуяюще вздымались все выше, руки разводились все шире, выражая сомнение. Судя по всему, игра застопорилась, причем надолго. Уже не надеясь досмотреть ее до конца, Макс двинулся через площадь в ресторан.

Маленькое скромное заведение называлось «*Chez Fanny*»[27 - «У Фанни» (фр.)]: кафельный пол, плетеные стулья, бумажные скатерти и салфетки, плакаты с кадрами из старых фильмов по сценариям Марселя Паньоля. Однако у него имелось тайное оружие: во-первых, шеф-повар преклонных лет, учившийся кулинарному искусству в парижском ресторане «Ами Луи» и стряпавший не хуже, чем в столице; а во-вторых, сама Фанни. Именно она создавала *ambiance*[28 - Приятная атмосфера (фр.)], ту неуловимую притягательность, которая обеспечивает ресторану длительный успех.

Сколько уж раз мы слышали, что атмосферой сыт не будешь (это правда), что в заведении главное – хорошая кухня (а вот это неправда). Еда – занятие приятное, во всяком случае, должно быть таковым, но какая может быть приятность, если жуешь и пьешь в неприветливой безликой обстановке, и Фанни это понимала прекрасно. У нее посетители, причем не только мужчины, чувствовали себя нежно любимыми. Она целовала их, когда они приходили, и снова целовала, когда они собирались уйти. Она хохотала над их шутками. Разговаривая с клиентом, она непременно касалась его: трогала за руку, слегка жала плечо, гладила по щеке. Она подмечала все, не забывала ничего; казалось, ей дороги все гости до единого.

Разумеется, слух о том, что у большого дома объявился новый хозяин, дошел и до Фанни. В Сен-Поне уже не было человека, который не слышал бы о нем либо от деревенского информбюро в лице жены мясника, либо от премудрых старцев, завсегдаев кафе. Увидев, что Макс направляется через площадь к ресторану, Фанни посмотрелась в зеркало, поправила волосы, decollete и вышла навстречу гостю.

Макс уже углубился в изучение меню, прибитого к стволу платана.

- Bonsoir[29 - Добрый вечер (фр.)], месье.

Макс поднял глаза:

- Привет. Ой, простите. Bonsoir, мадам.

- Мадемуазель.

- Да, конечно. Извините.

Несколько секунд они молча с улыбкой смотрели друг на друга. По их лицам внимательный наблюдатель сразу понял бы, что оба рады знакомству.

- Я не слишком рано пришел?

Ничуть не рано, заверила его Фанни, очень вовремя, потом начнется наплыв посетителей. Она усадила его за столик на маленькой террасе, принесла бокал вина и блюдечко лоснящихся черных маслин, подала меню и ушла. Выбор не был обширным, зато Макс нашел множество любимых блюд: на закуску предлагались жаренные в масле цукини, запеченные в горшочке овощи и паштет; из горячих блюд bavette aux echalotes[30 - Пашинка с луком-шалот (фр.)], жареная треска или brochette de poulet[31 - Жаренный на вертеле цыпленок (фр.)]; на десерт сыры и старые надежные выручалочки - tarte aux rommes[32 - Пирог с яблоками (фр.)] и cr?me br?lee[33 - Крем-брюле (фр.)]. Такая незатейливая, но добротная еда привлекает посетителей больше, чем звездочки «высокой кухни» в путеводителях «Мишлен».

Выбрав блюда, Макс откинулся на спинку стула и, предвкушая отменный ужин, стал наблюдать за Фанни, которая обнималась с четверкой только что пришедших посетителей. Скорее всего, у нее есть примесь североафриканской крови, думал он, иначе откуда бы этот кофейный оттенок кожи, эта копна смолых кудрей и черные глаза? Обтягивающая фигуру майка-безрукавка открывала стройную шею и подчеркивала упругую грудь. Макс скользнул глазами ниже: джинсы, веревочные сандалеты. Интересно, ноги у нее тоже красивые и длинные?

Перехватив взгляд гостя, Фанни с улыбкой подошла к его столику:

- Alors, vous avez choisi?[34 - Ну как, выбрали? (фр.)]

Держа наготове блокнот и карандаш, она села напротив Макса и чуть наклонилась к столу, чтобы записать заказ.

Усилием воли Макс подавил естественное желание поглубже заглянуть за вырез майки, вернулся к меню и продиктовал: цукини, бифштекс и графин красного вина.

Фанни все записала и напоследок спросила:

- Еще чего-нибудь хотите?

Несколько мгновений Макс молча смотрел на нее, подняв брови и дав волю воображению.

- Pommes frites? Gratin? Salade?[35 - Жареная картошка? Жюльен? Салат?]

Уже потом, за второй чашечкой кофе с рюмкой кальвадоса, Макс мысленно перебрал события первого дня своей новой жизни. Вкусный ужин и теплый вечерний ветерок прибавили ему оптимизма; теперь ясно, что он понапрасну так огорчился из-за вина. Если верить Чарли, это дело поправимое. Что же касается Руссея, то с ним нужно действовать тактично, осторожно, чтобы не наломать дров. Зато прочие открытия этого дня только обнадеживали – и дом с его чудесными перспективами, и прелестная деревушка, и обе красотки – давненько он таких не встречал. Но важнее всего, пожалуй, было подспудное ощущение,

что он и впрямь может начать здесь, в Провансе, новую, счастливую жизнь. Откуда-то из прошлого в сознании всплыл мудрый совет дяди Генри юному племяннику: «Нигде в целом свете не найдется такого же местечка, где можно изо дня в день заниматься столь малым и получать от этого столь большое удовольствие. Когда-нибудь ты это поймешь».

Макс оплатил счет, присовокупив сверхщедрые чаевые. Народу в ресторане было по-прежнему много, но Фанни улучила минутку и, пожелав ему доброй ночи, расцеловала в обе щеки. Он вдохнул ее запах – о таком мечтает каждый юнец.

– A bient?t?[36 - До скорого? (фр.)] – спросила она.

Макс улыбнулся и кивнул:

– Теперь вам от меня не отделаться.

Глава 5

Разбудил Макса божий будильник – солнце, бившее прямо в окно спальни. Давненько он так сладко не спал, хотя заснул не сразу. Ему не хватало несмолкаемой лондонской колыбельной: отдаленного гула транспорта и подсвеченного городскими огнями неба. Здесь же, в сельской глуши, полная тишина и густая, непроглядная тьма. К ним не сразу привыкнешь. И теперь, еще в полусне, не очень понимая, где находится, он открыл глаза и уставился на оштукатуренный потолок с балками. На подоконнике три голубя вели нескончаемую беседу. Воздух уже прогрелся. Макс взглянул на часы и не поверил глазам: неужели он проспал до такой поздноты?! Первое утро в Провансе надо отметить пробежкой под солнышком, решил он.

Хотя многие чужестранные причуды, вроде тенниса, не были в диковину жителям Сен-Пона, при виде бегущего незнакомца в глазах сельчан, всю жизнь проведших среди виноградных лоз, вспыхивала искорка любопытства. Несколько фермеров, подрезавших слишком длинные побеги, приостановили работу, чтобы поглазеть на трусящего мимо Макса. По их понятиям, если

человек в полуденную жару несется куда-то без надобности, это сродни добровольному самоистязанию. Непостижимая прихоть. Удивленно качая головой, они вновь склонились над лозами.

Максу казалось, что бежится ему здесь куда легче, чем в Гайд-парке; быть может, потому, что дышит он не выхлопами миллиона автомобилей, а чистым, свежим воздухом. Чувствуя, что по груди бегут ручейки пота, он перешел на размашистый шаг; сзади послышался шум: приближалась машина; Макс сошел на обочину.

Автомобиль сбавил скорость, чтобы ехать вровень с Максом. Глянув через плечо, он заметил буйные кудри и широкую улыбку Фанни. Обогнав его, она остановилась и распахнула дверь.

– Mais vous êtes fou[37 - Вы сумасшедший (фр.)], – сказала она, одобрительно поглядывая на мускулистые ноги Макса. – Садитесь. Я отвезу вас в деревню. Кружечка пива вам, по-моему, не помешает.

Макс поблагодарил ее, но скрепя сердце отказался:

– Это я убегаю от последствий кальвадоса. И потом, вы же знаете англичан. Мы обожаем себя истязать.

Мгновение Фанни размышляла над этой национальной особенностью, затем пожала плечами и двинулась дальше; в зеркале заднего вида неумолимо удалялась маленькая фигурка бегуна. Станные они типы, эти английские мужчины; в большинстве своем дичатся женщин! Впрочем, если учесть особенности их образования, удивляться тут нечему. Однажды ей объяснили, что такое английские частные школы: одни сплошные мальчишки, в ваннах комнатах только холодная вода и в пределах видимости – ни единой особы женского пола. Хорошенькое начало жизненного пути. Интересно, осядет Макс в дядином доме или нет, подумала Фанни и поймала себя на том, что ей этого очень хочется. В Сен-Поне выбор неженатых молодых людей был очень ограничен.

Пробежав третью милю, Макс начал жалеть, что отклонил предложение Фанни. Ощущение было такое, будто солнце сосредоточило весь свой пыл на его макушке; раскаленный воздух словно застыл – ни дуновения. Когда Макс

добрался наконец до дома, он прямо-таки таял, как мороженое, шорты и майка потемнели от пота. На подгибающихся ногах он поднялся по лестнице в ванную комнату.

Душ представлял собой классический образчик французского слесарно-водопроводного искусства конца двадцатого века – истинное воплощение неудобства, нечто допотопное, подсоединенное к кранам ванны резиновой пуповиной. Модель поистине замечательная: одной рукой держишь душ, другой моешь то одну, то другую часть тела. Если же захочешь намылиться как следует, кладешь душ на дно ванны, где он извивается, распыскивая струйки воды, а потом приступаешь к ополаскиванию – тоже по частям. В Лондоне просто встаешь под поток воды, и вся недолга; здесь же приходится напрягаться, принимая немыслимые позы, которым позавидует цирковой акробат.

Макс осторожно ступил на залитый водой кафельный пол и, не вытираясь, стал бриться. В аптечке над раковиной, среди пачек лейкопластыря и аспирина, нашелся флакончик дядиного одеколона, еще наполовину полный, – настоящий реликт из турецких бань в Мейфэре; этикетка, словно банкнота, украшена прихотливым орнаментом, а запах живо напомнил Максу шелковые халаты давней поры. Он побрызгался одеколоном, причесался; теперь надо было подыскать одежду, подобающую для обеда с мэтром Озе.

Она благоразумно предложила встретиться в сельском ресторанчике подальше от любопытных глаз и длинных языков жителей Сен-Пона. Проехав несколько миль, Макс без труда нашел нужное заведение, благо во французской глуши ресторанные указатели встречаются куда чаще дорожных знаков. До назначенного часа оставалось еще несколько минут.

«Оберж-де-Грив» представлял собой двухэтажное бетонное, похожее на блокгауз здание. Его архитектурное безобразие было прикрыто роскошными зарослями глицинии, которая оплела всю длинную террасу. Несколько компаний из местных предпринимателей да две-три пожилые пары вполголоса обсуждали меню. Мэтр Озе еще не появилась, хотя официант успел сообщить Макс, что она, как обычно, заказала столик с видом на виноградники, облепившие южный склон.

Макс заказал себе kir[38 - Аперитив из белого вина и черносмородинового ликера (фр.)], к которому ему подали тарелочку с редиской и щепотью морской

соли, а также меню и винную карту – толстенный том в тисненном кожаном переплете с бесконечным списком дорогущих бутылок. Но вина хозяйства «Ле-Грифон» там не числились, чему Макс ничуть не удивился. Он подозвал официанта:

– На днях мне рассказали про одно местное красное вино. Называется, по-моему, «Ле-Грифон».

– Ah bon?[39 - Вот как? (фр.)]

– Как оно вам, неплохое винцо?

Официант склонился к Максусу и понизил голос.

– Entre nous, monsieur, – большим и указательным пальцем он слегка коснулся кончика носа, – pipi de chat[40 - Между нами, месье, это кошачья моча (фр.)]. – Он помолчал, чтобы смысл сказанного дошел до посетителя. – Позвольте предложить вам что-нибудь более пристойное. Летом мэтр Озе предпочитает розовое из Вара[41 - Вар – департамент на юго-востоке Франции.], от Ла-Фигьер, светлое и сухое.

– Прекрасная мысль, – одобрил Макс. – Я как раз хотел его заказать.

При появлении мэтра Озе официант засуетился, с подчеркнутым почтением провел ее к столу и осторожно усадил. На ней был очередной официальный костюм, черный и строгий, в руках изящный тощенький портфельчик. Она как бы подчеркивала, что явилась на чисто деловой обед.

– Bonjour, месье Скиннер...

Макс протестующе поднял руку:

– Пожалуйста, называйте меня просто Макс. Я тоже решительно отказываюсь величать вас ma?tre. На ум сразу приходит старец в белом парике и с вставными зубами.

Она улыбунулась, взяла с тарелочки редиску, макнула ее в соль и сказала:

– Натали. И зубы у меня свои. – Она разгрызла редиску и кончиком розового языка слизнула крупинку соли с нижней губы. – Ну-с, рассказывайте. Как ваш дом? Все в порядке? Да, пока не забыла... – Она открыла портфель и вынула папку. – Еще несколько счетов: за страховку дома, должок электрику за какую-то работу, квартальный отчет Cave Cooperative[42 - Винодельческий кооператив (фр.).]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бесконечно благодарен всем (фр.).

2

Пристанище (фр.).

3

Акминстер (по названию английского города, где производятся знаменитые на весь мир ковры) – способ изготовления ковра, копирующий ручную технологию. (Здесь и далее примеч. перев.)

4

Нотариальная контора Озе, ул. Рампар, 84903, г. Сен-Пон (фр.).

5

Деревенский дом (фр.).

6

Живописный холмистый район на юго-западе Англии, пользующийся популярностью у туристов.

7

Аромат (профессиональный жаргон дегустаторов).

8

Термин, означающий плотность вина.

9

Потеки на внутренней стороне бокала после взбалтывания вина.

10

Сочетание цвета и прозрачности (от фр. «robe»).

11

Нотариус (фр.).

12

Самолет, совершающий челночные рейсы (фр.).

13

«Говорите мне о любви» (фр.).

14

Обычное дело (фр.).

15

Деревня на возвышенности (фр.).

16

Анисовый ликер (фр.).

17

Который? (фр.)

18

Тогда «Рикар» (фр.).

19

Шары (фр.).

20

Да? (фр.)

21

Вот и все (фр.).

22

Бассейн (фр.).

23

Вот дерьмо! (фр.)

24

Бордоская жидкость (фр.).

25

Ну да, конечно! (фр.)

26

Разве не так? (фр.)

27

«У Фанни» (фр.).

28

Приятная атмосфера (фр.).

29

Добрый вечер (фр.).

30

Пашинка с луком-шалот (фр.).

31

Жаренный на вертеле цыпленок (фр.).

32

Пирог с яблоками (фр.).

33

Крем-брюле (фр.).

34

Ну как, выбрали? (фр.)

35

Жареная картошка? Жюльен? Салат?

36

До скорого? (фр.)

37

Вы сумасшедший (фр.).

38

Аперитив из белого вина и черносмородинового ликера (фр.).

39

Вот как? (фр.)

40

Между нами, месье, это кошачья моча (фр.).

41

Вар – департамент на юго-востоке Франции.

42

Винодельческий кооператив (фр.).

Купити: <https://tellnovel.com/piter-meyl/horoshiy-god-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)